

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ТРЕХРЕЧЬЕ

Юлия Викторовна АРГУДЬЕВА,
доктор исторических наук

Трехречье (по-китайски Саньхэ цюй) — район, получивший название от трех рек: Ган, Дербул и Хаул, бассейны которых расположены в северной части автономной территории Внутренней Монголии (Барги) в Маньчжурии (Китай). Все три реки, берущие начало в северо-западных отрогах Большого Хингана, находятся в пределах Хулунбуирского нагорья и впадают в пограничную между российской и маньчжурской сторонами р. Аргунь, напротив российского пос. *Цурухайтуй*.

В этой статье мы не ставим задачу научного освещения истории, экономики, географии Барги. Это отчасти уже сделали некоторые исследователи¹. Нас интересуют прежде всего этнографические сведения об этом районе, населенном в первой половине XX в. различными народами (эвенками, китайцами, японцами, русскими), и проблема межкультурного взаимодействия. Из них в большей степени изучались эвенки: в 1915—1916 гг. известным русским ученым С.М. Широкогоровым, в 1928, 1929 и 1932 гг. — английским этнографом Этель Джоин Лингрэн, во второй половине XX в. — китайскими исследователями Цю Пу и Люи Гуантянь и немецким ученым Ф. Георг-Хайне².

Наибольший интерес для нас представляют русские, мигрировавшие в Трехречье и сохранившие там в иноэтничном окружении традиционную русскую культуру. Этнографические сведения о представителях русского этноса сосредоточены в основном в материалах, посвященных русской эмиграции в Маньчжурии, — статьях, газетных заметках, отчетах, некоторых архивных материалах и воспоминаниях бывших жителей Трехречья. Среди них особо следует отметить Анатолия Макаровича Кайгародова, опубликовавшего свои воспоминания о Трехречье в ряде забайкальских газет, журналах «Советская этнография» и «Проблемы Дальнего Востока». Признательна я и родившемуся и выросшему в Маньчжурии преподавателю одного из вузов г. Читы Владимиру Васильевичу Перминову, поделившемуся своими воспоминаниями и познакомившему меня с некоторыми материалами А.М. Кайгародова.

Благодаря воспоминаниям краеведов и сведениям, собранным ими от старожильческого русского населения Трехречья, получены первые данные о времени появления в этом районе русских и их уходе в середине XX в. В 1950-е годы советское правительство по согласованию с китайским предложило всем русским, не затронутым репрессиями³, перебраться в основном в казахстанские степи на освоение целинных земель. До этого русские составляли самую значительную (более 90%) часть населения Трехречья.

По некоторым данным русские появились в Барге еще до подписания с маньчжурской Цинской империей и Русским государством Нерчинского договора 1689 г.⁴, однако эти сведения не нашли отражения в научных публикациях.

А. Кайгародов, рассматривая проблему появления первых русских на территории Трехречья, также не может указать дату возникновения здесь первых русских поселений и основывается лишь на предположениях, воспоминаниях местных русских и эвенкийских старожилов и свидетельствах некоторых литераторов. В частности, русский поэт, революционный деятель М.Л. Михайлов, отбывавший каторгу в 60-х годах XIX в. в Кадае (ныне Читинская область), писал о неоднократных побегах политкаторжан на маньчжурскую сторону р. Аргуни еще до второй половины XIX в.⁵ По рассказам эвенков, они в середине XIX в., заходя в верховья рек Хаул, Дербул и Ган, видели там избы русской постройки, лошадей и коров, а зимой — заготовленное сено⁶. Возможно, это и были первые заимки русских беглых политкаторжан, которые охотно женились на тунгусах. Потомки от таких браков были русоволосыми, отличались высоким ростом. Они и их отцы охотились вместе с эвенками, но выходить к р. Аргуни опасались и боялись встреч с русскими охотниками, периодически промышлявшими в тех же лесах.

Впоследствии в Трехречье стали появляться охотничьи избушки и первые заимки казаков, живших за Аргунью на российской стороне, но периодически приходивших на маньчжурскую сторону. Первоначально такие заимки и выстроенные здесь избушки-зимовья были сезонными и служили укрытием от непогоды и местом проживания только на время покоса (казаки ездили заготавливать сено на маньчжурскую сторону р. Аргуни) или в период зимнего охотничьего сезона.

По сведениям А. Кайгародова, заселение и освоение Трехречья практически началось в XIX в. с момента появления там первых охотничьих избушек и заимок забайкальских казаков. Впоследствии практически все первые заимки переросли в поселки и деревни. Первые русские заимки появились по Хаулу — реке, самой близкой к Аргуню. В 1870 г. две из них объединились в хутор Ивановку (четыре двора с небольшими огородами). В 1875 г. на месте заимки, основанной Парамоновым, появился хутор Ернишная (из четырех дворов с огородом и баней). В 1885 г. заимка, построенная Т.И. Лопатиным, переросла в пос. Черноусиху — шесть дворов с огородами и впервые с пашней, на которой рожь давала очень хорошие урожаи. В 1890 г. самая нижняя по Хаулу заимка С.Л. Шестопалова разрослась в богатую деревню Манерку с тысячами отарам овец, стадами крупного рогатого скота и табунами лошадей. Хозяйва хуторов и заимок, пережив первую мировую войну, перестали возвращаться к себе на родину в левобережные приаргунские казачьи станицы, вывезли из Забайкалья свои семьи и стали постоянно проживать по р. Хаул.

В годы революции и гражданской войны в России в Трехречье устремился поток беженцев, уходили разгромленные красными части атамана Семенова и других вожаков белого движения. Население бассейна р. Хаул выросло за счет беженцев из Сибири и Забайкалья в несколько десятков раз. Но в 1922 г. отряды забайкальских партизан во главе с С.И. Толстокулаковым совершили несколько рейдов на правобережье р. Аргуни и р. Хаул. Русские деревни в этой местности были сожжены, погибло немало людей. Уцелевшие поселенцы, побросав все имущество, бежали на Дербул и Ган. Бассейн р. Хаул опустел, лишь в его верховьях осталась одна китайская деревня Караванная, где многие китайцы имели русских жен⁷.

В 1920—1930-е годы происходило массовое расселение русских в Трехречье, преимущественно по Дербулу и Гану. Китайские власти не препятствовали русской колонизации этого практически не заселенного региона. Географически он делился на таежную, лесостепную и степную части, что и определило основу хозяйственной направленности в населенных пунктах этих зон и не мешало развитию традиционного хозяйственного уклада русских в Трехречье. Ориента-

ция только на определенные виды деятельности в связи с природно-экологическими условиями тем не менее позволяла путем торгово-обменных операций иметь все продукты питания, необходимые для обеспечения традиционной жизнедеятельности.

По данным, собранным А. Кайгародовым, удалось выявить как время основания первых заимок и более крупных населенных пунктов, так и время, когда они были покинуты русскими. Основные населенные пункты по р. Дербул — поселки Дубовая, Ключевая, Тулунтуй, Попирай, Караганы и Щучья.

Дубовая. Заимки на месте будущего поселка основаны Егором Пешковым и Вениамином Волгиным в 1880 г. Первые подворья с рублеными избами, амбарами и огородами появились здесь в 1925—1926 гг. В них поселились братья Иван и Игнатий Золотовские, Георгий, Макар и Петр Кайгародовы и В.П. Катков⁸. Деревня расположилась в живописном месте на высоком левом берегу Дербула. За рекой простиралась луга, за ними — горы, склоны которых занимали пашни, а еще дальше виднелись хребты — основное место охотничьего промысла жителей. Посреди деревни располагались начальная школа и церковь; был молочный завод и несколько водяных мельниц. Небольшой речушкой Дубовкой поселок делился на две части. Основное занятие жителей — земледелие, позволявшее получать высокие урожаи зерновых. Однако соседство с тайгой определило важную роль в хозяйственной деятельности населения — охотничий промысел. Многие жители вели меновую торговлю с эвенками. Основная масса пантов и пушнины, которые вывозились из Трехречья, закупалась именно в Дубовой⁹. Большинство русских покинули Дубовую в 1955—1956 гг., три семьи оставались до 1975 г.

Ключевая. Первые заимки основаны в 1885 г. А.А. Волгиным, К.Л. Зверевым и Г. Полуэктовым. В 1913 г. деревня насчитывала уже около двух десятков дворов; была выстроена церковь. Особенно зажиточным был К.Л. Зверев. Он и двое его сыновей сеяли много зерновых, держали большое количество скота, имели в верховьях Дербула заимку для зимнего содержания поголовья, где вместе с двумя работниками накашивали много сена. Русские покинули Ключевую в 1955—1956 гг., две семьи оставались до 1970 г.¹⁰

Тулунтуй. Первые заимки основаны Жигалиным, Каюковым и братьями Александром и Тимофеем Фомиными в 1882—1885 гг. К 1945 г. поселок состоял из двух разделенных небольшой речкой частей — Верхнего Тулунтуя и Нижнего Тулунтуя; в центре поселка — церковь и школа. Русские покинули Тулунтуй в 1955—1956 гг., три семьи оставались до 1965 г.¹¹

Попирай. Заимка, основанная Козулиным в 1895 г., впоследствии разрослась в деревню, считавшуюся по количеству скота самой богатой в Трехречье. Русские оставили этот населенный пункт в 1955—1957 гг.¹²

Караганы. Заимка, основанная Федором Широких примерно в 1890 г., разрослась в небольшую деревню — сказывалась близость советской границы. Русские жители покинули эти обжитые места в 1956 г.¹³

Щучья. Первые заимки основаны И. Пешковым и Д.А. Дервениным в 1880 г. Вскоре здесь выросла небольшая, но довольно богатая деревенька. Именно через нее в 1920-х годах в Трехречье и дальше в глубь Маньчжурии отходили разгромленные части семеновцев, колчаковцев, каппелевцев и несколько тысяч беженцев преимущественно из числа зажиточных забайкальских казачьих семей. В Щучьей китайцы учредили пограничный пост с *даогаем* (маньчжурским уполномоченным, руководителем края) во главе. Как только советские власти установили контроль на границе, поток беженцев вначале поредел, а затем и вовсе иссяк. Китайская администрация переселилась на р. Ган, в деревню Лабдарин (ныне г. Аргунь). В Щучьей осталось 25—30 домов; русские покинули деревню в 1956 г.

Населенные пункты по бассейну р. Ган включали Покровку, Усть-Кули, Лабдарин, Челотуй и Светлоколуй.

Покровка. Как и другие деревни, начиналась с первых заимок, основанных Пятковым и Вырышевым в 1925 г. Среди крестьян было много старообрядцев, которые в 1930-е годы переселились на Большой Хинган. После второй мировой войны, в 1950-е годы, не захотев возвращаться в СССР, они эмигрировали в Парагвай и Уругвай, а затем на Аляску, где основали с. Никольское. Остальные русские покинули Покровку в 1955—1956 гг. Несколько семей оставалось до 1962 г.¹⁴

Усть-Кули (в настоящее время — Ся-Кули). Первые заимки основаны Е.В. Волгиным и Парамоновым в 1907 г. Большая часть русских покинула деревню в 1955—1957 гг.; несколько семей оставалось до 1960 г.¹⁵

Лабдарин (г. Аргунь), насчитывающий несколько десятков тысяч жителей. На месте первых заимок, основанных Каргиным, Косяковым, братьями Кустовыми в 1895—1900-х гг., постепенно выросла деревня. Именно сюда из Щучьей перенес свою резиденцию *даотай*. Кроме сбора налогов китайцы никакой другой деятельностью не занимались. С приходом в Маньчжурию японцев в 1932 г. резиденция даотая была ликвидирована. Русских из этих мест выселили в 1955—1956 гг. На их место стали приезжать большие партии китайцев из центральных районов Маньчжурии и Китая¹⁶.

Челотуй. Заимка на месте будущей деревни основана А.П. Морозовым в 1914 г. Впоследствии выросла в небольшую, но одну из самых богатых (по количеству овец) деревень. Только у сына, основателя заимки П.А. Морозова, их было около 7000. Русские покинули деревню в 1955—1956 гг.¹⁷

Светлоколуй (Светлый Колуй). Заимка на месте будущей деревни, насчитывавшей к 1945 г. 50—60 дворов, была основана в 1910 г. И.Е. Бизьяновым. Как и в других деревнях степной полосы Трехречья, жители Светлого Колуя имели большое количество скота. Здесь, пожалуй, не было хозяина, который держал бы менее 500—1000 овец, а сын основателя первой заимки имел более 6000 голов. Русские покинули деревню в 1956 г.¹⁸

Несколько русских населенных пунктов находилось в междуречье Дербула и Гана.

Баржакон (назван по одноименному притоку р. Дербул). Первые заимки основаны П.Д. Банщиковым и Т.И. Лопатиным в 1922 г. Русские ушли из деревни в 1955 г.¹⁹

Лапцагор. Заимка на месте будущей деревни основана в 1905 г. П. Былковым. К 1945 г. деревня насчитывала не более 20 дворов, однако на каждый двор приходилось не менее 1000 голов скота. Русские покинули деревню в 1955—1956 гг.²⁰

Верх-Урга (в настоящее время — Шан-Урга). Считается, что этот населенный пункт появился давно. Еще до событий октября 1917 г. на речке Урга (впадает в р. Ган) казаки содержали скот и тайно мыли золото; но прииск по своей нерентабельности вскоре был заброшен. Деревня, довольно населенная в 1940-е годы, была основана в 1920 г. Ермолиным и Мартемьяновым. Часть русских покинула деревню в 1955—1957 гг.; некоторые семьи оставались до 1970 г.

Усть-Урга (в настоящее время — Ся-Урга). Основана одновременно с Верх-Ургой Качиковым, Соколовым и Фоминым²¹. Большая часть русского населения выехала в 1955—1957 гг.; отдельные семьи оставались до 1972 г.

Ширфовая. Деревня выросла в верховьях р. Ган в 1940-е годы в основном из переселенцев китайской приграничной деревни Цицян (Цигань) и считалась одной из самых бедных в Трехречье. И пахотной земли, и лугов было мало. Но большинство мужской части переселенцев слыли прекрасными охотниками. Многие занимались рыболовством и зимой возили по деревням рыбу, обменивая ее на пшеницу и овес. Определенный доход приносила меновая торговля с эвенками. Русские покинули деревню в 1956 г.²²

Верх-Кули (Шан-Кули). Первые заимки на месте будущей деревни появились примерно к 1890 г. Основаны Аксеновым, К.И. Чегодаевым, братьями Чипизубовыми. В 1911—1912 гг. в Верх-Кулях построили старообрядческую церковь (православная церковь появилась несколько позднее), был постоянный двор, две китайские харчевни и три лавки; русскими было налажено небольшое маслодельное, сыроваренное и пимокатное производство; имелись отделения японских торговых фирм «Хаяси канэ» и «Томо боеки коси». Удобные для обработки поля и хорошие сенокосные угодья, сравнительная близость рынка (г. Хайлар) позволили деревне выйти в Трехречье на первое место по производству зерна и мяса. Самыми зажиточными хозяевами-землепашцами были П.К. Чегодаев (засевал более 300 дес. пашни) и Родионов (около 150 дес.), имели бессчетное количество овец, разводили и верблюдов. Верх-Кули считалась самой богатой деревней Трехречья, первой по численности населения, среди которого к 1945 г. было 30 китайцев и около 1500 русских²³. Их начали выселять из деревни в 1955 г. Многие уехали в Австралию²⁴.

Нармакчи. Небольшая деревня, 15—20 домов, была основана несколько позднее Верх-Кули казаками Первухинными из Аргунска. Население занималось в основном овцеводством. Близость Хайларского тракта не создавала помех в успешном сбыте скотоводческой продукции. Все русское население было депортировано в СССР в 1956 г.²⁵

Драгоценка (по-китайски Саньхэ, при японцах — г. Найрумту) — один из самых больших (после Верх-Кули) по численности населенный пункт Трехречья, его центр. Деревня основана в 1880—1882 гг. Ф. Кокухиным, А. Куликовым и В. Деревцовым. Свое название получила благодаря многочисленным залежам плавикового шпата в окрестных сопках. Центральное положение Драгоценки в Трехречье, хорошая связь грунтовыми дорогами практически со всеми населенными пунктами (в том числе г. Хайларом) этого региона обусловили быстрый рост торгового, а затем и административного и культурного центра. Это была единственная в регионе казачья станица, которой подчинялись все трехреченские казачьи поселки (деревни).

Драгоценка — населенный пункт Трехречья, где китайцы составляли значительную прослойку населения. Здесь они держали мелкие лавки, харчевни, пошивочные мастерские, парикмахерские, постоянные дворы. Были среди них и кузнецы, и плотники, неплохие огородники, но традиционным землепашеством, как русские, они не занимались.

По данным А.М. Кайгородова, в Драгоценке находились торгово-промышленный филиал русской фирмы «И.Я. Чурин и К°», филиалы японских торговых фирм «Хаяси канэ», «Томе боеки коси», «Мансю тикусан кабусики кайся». Кроме торговли потребительскими товарами они снабжали население сельскохозяйственным инвентарем за наличный расчет и в кредит под будущий урожай, что позволяло сельским жителям уже весной приобретать необходимые товары. За них можно было платить не только деньгами, но и пушниной, и зерном, а в китайских лавках и куриными яйцами. Фирме Чурина кроме магазина принадлежали паровая вальцовая мельница и ремонтно-механические мастерские²⁶.

В 1944 г. в Драгоценке проживало около 3000 чел. (без японского гарнизона — 300 чел.), в том числе русских примерно 1500, китайцев 900—1000, японцев — 500. Здесь располагалось управление Южно-Аргунской губернии, в которую при японцах преобразовалось Трехречье, полицейское и жандармское управления, казачье станичное управление, лесничество, отделение японской миссии, отделение Бюро по делам российских эмигрантов. В Драгоценке находилась единственная в Трехречье восьмилетняя школа, китайская школа и больница с хирургическим отделением²⁷.

Первым станичным атаманом Драгоценки был Е. В. Волгин, сделавший немало для расселения и обустройства русских в Трехречье. Именно при нем наблюдался самый большой наплыв русских не только из-за р. Аргуни, но и из пристанционной полосы КВЖД. Его сменил генерал Г. Е. Мациевский. Последним атаманом в Трехречье стал полковник В. Л. Сергеев, который одновременно выполнял функции главы отделения Бюро по делам российских эмигрантов в Трехречье.

Русских начали выселять из Драгоценки в 1955 г. Несколько семей оставалось до 1962 г., мотивируя свой отказ выселяться нежеланием оставить без присмотра знаменитый казачий собор Петра и Павла. Их все же выселили насильно; храм вначале превратили в клуб, затем в склад, а позднее разобрали на дрова.

подавляющее число населения Трехречья состояло из русских и росло не только за счет переселенцев из-за р. Аргуни, но и из других мест Барги, пристанционной полосы КВЖД, а также из городов Хайлар, Маньчжурия, Харбин. К концу 1944 г. в 16 поселках насчитывалось 9050 чел.²⁸, в том числе мужчин 4739, женщин 4311²⁹. По данным А. Кайгородова, в 1945 г. русское население Трехречья составляло 11 тыс. чел., включая население 16 поселков и 3 выселков³⁰. Это были в основном забайкальские казаки и их семьи, бежавшие сюда либо во время гражданской войны, либо в период коллективизации в 1930-е годы. Таких беженцев называли «тридцатниками».

Вторую по численности группу населения составляли китайцы. По сведениям А. Кайгородова, китайцы появились недалеко от Трехречья в 1902—1903 гг., основав на правом берегу Аргуни пос. Цигань. Непосредственно в Трехречье китайцы пришли в 1925 г. В основном это были торговцы, держатели постоянных дворов и харчевен, парикмахеры, сапожники, кузнецы и другие ремесленники, а также огородники. Из общего числа китайцев (до 1945 г.) в 1000—1100 чел. основная часть проживала в Драгоценке, занимая как бы отдельный квартал. В других населенных пунктах их было немного, за исключением Верх-Кули (примерно 12 семей) и Караванной (30 семей)³¹.

Третью, самую немногочисленную часть населения Трехречья, составляли японцы, появившиеся в 1932 г., когда в Маньчжурии было провозглашено марионеточное государство Маньчжоу-Го. Большая часть японцев — военнослужащие небольшого гарнизона в Драгоценке или гражданские служащие различных учреждений, коммерсанты, советники, преподаватели³².

Были и представители коренных народов — эвенки, орочены, буряты, монголы. Орочены (250 чел. по китайским источникам) охотились на лошадях преимущественно по р. Гану; эвенки (164 чел. в 1989 г., по сведениям, собранным немецким ученым Г. Хайне) охотились на оленях. Монголы и буряты кочевали в степной полосе Трехречья, работая пастухами у русских скотовладельцев³³.

Основное занятие русского населения — земледелие, скотоводство и охота. В зависимости от природных условий, как уже говорилось выше, одна из этих отраслей традиционного хозяйствования превалировала либо в лесной, лесостепной, либо в степной зоне.

Жители лесостепной зоны занимались преимущественно земледелием. Сельское хозяйство было экстенсивным, велось по старинке, как и в Забайкалье, без применения удобрений. Не было ни агрономов, ни ветеринарных врачей (кроме Драгоценки, где находился ветеринарный пункт). Во время посевной и уборки урожая соблюдали определенные земледельческие традиции. Например, когда сеяли коноплю, то вместе с семенами в землю зарывали несколько яиц. При уборке зерновых оставляли небольшой клин «богу на бородку». В засушливую погоду приглашали священников на молебен и с иконами ходили по полям³⁴.

По данным на конец 1944 г. в Трехречье можно проследить (по основным поселкам) количество населения, жилых помещений, обработанной под посевы зерновых земли и структуру посевов (см. табл. 1, 2).

Таблица 1

Количество жителей, жилых помещений и обработанной под посев зерновых земли в Трехречье

Наименование поселка	Кол-во населения (чел.)	Кол-во домов	Количество обработанной под посев зерновых земли (в гектарах) в Трехречье					Всего
			Пшеница	Ячмень	Овес	Ярица	Гречиха	
Драгоценка	1 276	175	569,76	36,43	433,76	—	8,53	1 048,48
Баржакон	246	38	233,76	7,83	145,94	—	9,46	396,99
Щучья	187	23	201,60	15,49	116,79	0,18	2,34	336,40
Попирай	312	59	279,00	13,17	165,12	7,24	—	464,53
Караганы	154	29	99,79	9,47	80,46	—	1,27	190,99
Тулунтуй	577	87	370,53	37,05	308,94	0,73	1,98	719,23
Ключевая	686	101	636,95	94,80	462,92	6,45	5,45	1 206,57
Дубовая	937	172	840,74	83,68	609,32	1,08	3,21	1 538,03
Верх-Урга	1 109	194	906,66	87,00	589,06	2,87	8,95	1 594,54
Усть-Урга	322	46	186,67	28,75	148,66	2,32	1,96	368,36
Усть-Шурфовая	208	22	90,51	9,55	67,17	—	1,63	168,86
Покровка	280	60	213,10	8,92	254,47	—	—	476,49
Верх-Кули	1 484	197	1 050,03	140,41	1 122,30	—	5,11	2 317,85
Усть-Кули	373	48	253,12	23,01	219,17	2,46	6,63	504,39
Лабдарин	358	48	182,66	13,99	144,76	—	2,37	343,78
Челотуй	541	81	356,36	39,87	226,97	1,46	14,72	639,38
Всего	9 050	1 380	6 471,24	649,42	5 095,81	24,79	73,61	12 314,87

Источник: ГАХК. Ф. 830, оп. 1, д. 75, л. 244, 245, 250.

Таблица 2

Количество жителей, жилых помещений, основного скота и сельхозорудий в Трехречье

Наименование поселка	Количество населения			Количество домов	Количество основного скота и сельхозорудий							
	Муж.	Жен.	Всего		Лошади	Домашний скот	Бараны, козы	Плуги	Сейлки	Снего-визалки	Веялки	Моло-тылки
Драгоценка	654	622	1 276	175	749	1 491	1 785	21	6	17	16	7
Баржакон	124	122	246	38	89	180	133	7	1	2	3	1
Щучья	102	85	187	23	177	385	454	4	2	1	2	—
Попирай	159	153	312	59	439	1 066	1 529	6	1	2	3	1
Караганы	93	61	154	29	126	295	333	5	1	—	1	—
Тулунтуй	297	280	577	87	445	793	900	10	3	11	4	3
Ключевая	359	327	686	101	562	1 145	460	11	3	11	8	2
Дубовая	508	429	937	172	714	1 141	536	16	3	15	11	6
Верх-Урга	573	536	1 109	194	537	1 161	647	17	3	11	12	4
Усть-Урга	177	145	322	46	216	370	540	6	1	2	3	1
Усть-Шурфовая	96	112	208	22	75	127	111	4	1	2	2	—
Покровка	175	105	280	60	198	387	148	7	2	2	2	2
Верх-Кули	770	714	1 484	197	2 304	3 379	6 781	30	6	32	21	9
Усть-Кули	190	183	373	48	429	663	1 650	7	2	4	1	1
Лабдарин	191	167	358	48	338	748	914	9	2	7	2	1
Челотуй	271	270	541	81	446	1 261	5 983	10	2	9	5	4
Всего	4 739	4 311	9 050	1 380	7 844	14 592	22 904	170	39	128	96	42

Источник: ГАХК. Ф. 830, оп. 1, д. 75, л. 244, 248—250.

Как видно из таблицы, сеяли преимущественно пшеницу, овес, ячмень, гречиху. Яровых посевов, как и в Забайкалье, из-за суровости климата было мало.

Более всего (39,9%) было баранов и коз³⁵. Неясно, включена ли сюда численность овец. Скорее всего — нет, так как большинство трехреченцев говорят о несметных стадах этих животных. Под термином «домашний скот» следует, скорее всего, понимать крупный рогатый скот, он составлял 25,42%. На лошадях приходилось 13,66%, домашнюю птицу — 17,8%, свиней — около 3%. Верблюды (29 гол.) были лишь в пос. Верх-Кули³⁶.

Лошадей и быков использовали в качестве тягловой силы. Тракторов было мало (22), в основном в Драгоценке, да и те из-за высоких цен на горючее использовались только на обмолоте хлебов; автомашин (всего 2) в пос. Усть-Кули³⁷.

Плуги имелись далеко не в каждом хозяйстве. На 1380 подворий приходилось 170 плугов; еще меньше было сноповязалок (128), веялок (96), дискоборон (63), молотилок (42), сеялок (39); лучше обстояло дело с обработкой молочных продуктов — на 16 поселков приходился 271 сепаратор³⁸.

Теплых помещений для скота, по забайкальской традиции, не строили. Сооружали лишь примитивные укрытия (две-три тесовых стены и крыша) от ветра и снега. Помещений для хранения убранного зерна (крытых риг) и сена не делали. Сена при большом количестве скота заготавливали в громадном количестве и оставляли под открытым небом. Ранний весенний приплод от коров и овец укрывали в избе или в зимовье. Домашнюю птицу во многих подворьях держали всю зиму в избе, в специальных загорадах.

Землю обрабатывали также традиционно, приспосабливаясь к местным природным условиям. При ранней весне посев начинали в конце апреля; если весна была холодной, посевные работы отодвигались на начало мая. Под посев пшеницы вначале использовали *залог* (земля, вспаханная в предыдущее лето) или *пар* (отдохнувшая от вспашки земля), затем пахали *перелог* (пашня, с которой собран только один урожай) и, наконец, *залежь*, или *третий хлеб* (земля после двух собранных урожаев). Вслед за пшеницей сеяли овес, ячмень; завершался посев гречихой. Вся посевная кампания продолжалась долго — с конца апреля до начала июня³⁹.

Ветреную, нередко капризную (с холодным дождем и даже снегом) весну сменяло жаркое, но короткое лето. Надо было успеть вспахать целинную землю или пар, накопить сена, убрать урожай. Вспашкой занимались рано утром, пока не было большой жары, или вечером, с наступлением прохлады. Сенокос начинался во второй половине июля. Ближайшие к населенным пунктам покосы делили между семьями по количеству скота; на дальних каждый мог косить, сколько ему надо и сколько он сможет. Зажиточные казаки строили на отдаленных покосах заимки, где скот находился постоянно; здесь же заготавливали и хранили сено. С окончанием покоса, к середине августа, начиналась страда. Ее сроки также были сжатыми. Жаток, сенокосилок со специальными приспособлениями, сноповязальных машин не хватало. Для уборки урожая пользовались преимущественно косами и серпами. Убранный хлеб складывали в *клади* (скирды) и оставляли в поле до октября. В октябре начинался обмолот зерна, который из-за отсутствия молотилок затягивался иногда до марта. Теплую и тихую осень сменяла продолжительная суровая зима с глубоким снегом. Это было время основного отдыха от сельскохозяйственных работ. Однако для части мужского населения наступал охотничий сезон, а после 1941 г. мужчин стали посылать и на общественно-трудовые работы.

С началом второй мировой войны правящие в Маньчжурии власти, ссылаясь на трудности военного времени, обязали население не только использовать лошадей, быков и телеги для выполнения различной «поденщины», или так называемой «натуральной повинности» (подвоз бревен для постройки и ремон-

та, а также дров для различных учреждений; ремонт шоссежных дорог; обслуживание административных учреждений и др.), но и сдавать скот государству. На состоявшемся 26—27 декабря 1944 г. в Харбине съезде представителей Главного Бюро, начальников районных Бюро и представительств по делам российских эмигрантов, представитель Трехреченского бюро заявил, что все население Трехречья понимает трудности военного времени «...и потому готово на величайшее напряжение в своей работе и на все ограничения личных потребностей, ничего не требуя от правительства и довольствуясь тем, что оно дает ему»⁴⁰. Вместе с тем он, как, впрочем, и представители других отделений Бюро, сетовал на ряд трудностей, связанных с выполнением так называемой поденщины и жизнедеятельностью населения, отмечая, что в сложившихся условиях натуральную повинность очень тяжело выполнять, так как этот процесс приходится в основном на зимние месяцы, а население должно сдавать полученную в хозяйстве кожу и шерсть. Это привело к тому, что «...никто не имеет теплой одежды и обуви, никто не ремонтирует... упряжь и конное снаряжение. С каждым годом положение в этом отношении становится все тяжелее, и уже были отдельные случаи, когда люди, назначенные в наряд, не имели возможности выехать, не имея обуви и исправной сбруи... Выполнение натуральной повинности при существующих условиях окажется возможным в том случае, если на предстоящий 1945 год будет разрешено сдавать Государству не всю кожу и шерсть, получаемую населением, а лишь половину, оставляя вторую половину для нужд населения и разрешив ему выделывать оставшуюся кожу в своих поселках»⁴¹.

Подводя итоги, он отметил, что недостаток кожи, шерсти, железа, ослабление конского поголовья «угрожает... выполнению плана увеличения материальной базы... и Государственной обороны в крае»⁴². Эти задачи он считал самыми насущными для населения, а менее насущными — получение продуктов питания и предметов фабрично-заводской промышленности, так как «...в обстановке военного времени нельзя требовать, чтобы все доставлялось вовремя и вволю»⁴³. Между тем, судя по данным этого же доклада, семья служащего (4 чел.) одного из учреждений Драгоценки получила в течение 1944 г. 100 гр. чая, в среднем по 1,7 *цзиня*⁴⁴ в месяц сахара; за весь год—три *цзиня* масла, 12 м мануфактуры, 4 куска мыла, 14 коробков спичек, 3 катушки ниток, 6 пар носков. В среднем в месяц выдавалось на человека 37 кг муки и 1350 гр. мяса⁴⁵. Такое же количество продуктов и товаров получала и семья жителя, занимавшегося сельским хозяйством, за исключением муки, так как на каждого едока крестьянин мог оставить из своего урожая по 20 пудов зерна⁴⁶. Население старалось как-то выйти из трудного положения, во всяком случае мыло, свечи для освещения и масло приготавливали домашним способом, а вот в чае и спичках была острая необходимость.

Проблем с питанием населения, по мнению представителя Трехреченского бюро, практически не было, так как обилие в реках рыбы, а для некоторых и возможность добыть таежного зверя, наличие огородов значительно пополнили рацион трехреченцев. На огородах выращивали различные овощи, картофель, коноплю и табак⁴⁷.

Среди населения, основным занятием которого было земледелие и скотоводство, наблюдалась имущественная дифференциация. Наиболее зажиточными были хозяева, обосновавшиеся в Трехречье еще в конце XIX — начале XX в. или попавшие сюда сразу после октября 1917 г., которые могли перевезти в Маньчжурию все свое имущество, перегнать скот. Имея такую основу, они сравнительно быстро разбогатели, применяли в хозяйстве наемный труд. Работники нанимались преимущественно на сельскохозяйственный год (от Пасхи до Покрова) или же на определенный сезон (посевную, сенокос, уборочную).

В степной зоне Трехречья работников было больше — здесь богатым скотоводам надо было заготовить громадное количество сена. В деревнях лесостепной зоны работников нанимали только на время страды, на обмолоте работали поденщики. В зимний период работники были только на заимках и в отдаленных зимовьях для ухода за скотом. За труд платили натурой — зерном, мясом, овощами. На заимках некоторые работники жили постоянно, в течение многих лет и фактически становились членами семейного коллектива.

Население, расположенное в лесной зоне, в основном занималось охотой и рыболовством, в меньшей степени скотоводством; на небольшом клочке земли сеяли ячмень и овес. Осенью и зимой главным объектом охоты были белка, колонок, рысь, выдра, весной — изюбрь. Методы охотничьего промысла русских охотников мало чем отличались от эвенкийских, но организация их была совершенно иной. Эвенки охотились в одиночку или семьей, русские — традиционно, как и в Забайкалье, непременно артелью в 7—8 чел. как при охоте на белку («белковье»), так и на изюбрей во время их «рева». Удачей считалось добыть *панты* (молодые рога изюбря), которые ценились очень высоко.

Наиболее выгодным было белковье, когда артель уходила в тайгу на месяц — полтора. Все члены артели подчинялись выбранному ими старшему, который определял маршрут охоты, распределял обязанности. Такой промысел был нелегким, так как проходил в самое холодное время года, к тому же приходилось гоняться за сохатым, так как мясо с собой не брали. Пищевые запасы артельщиков, взятые на охоту, состояли из масла, сала, соли, чая и толченых сухарей.

Добытую пушнину скупали русские коммерсанты из Хайлара и Харбина, представители японских фирм. Выручку от реализации «мягкого золота» делили поровну, вне зависимости от количества добытых каждым охотником шкурок. Охотились артелью и на хорьков. Орудия лова использовали традиционно русские — *кулемки* на хорьков, *пастушки* и петли на зайцев, *пасти* на козулю, капканы на лисиц и волков. Ловушки *кулемки* изготавливали в большом количестве, их осматривали ежедневно, подкладывая по необходимости *поедь* — приманку. Специальными ловушками, напоминающими по форме плоские ящики, сколоченные из тонких досок, или *бердами*, сплетенными из прутьев, ловили тетеревов. Ловушки настораживали около скирд хлеба, еще не убранного с поля, или на песчаных косах. Иногда такой ящик, падая, накрывал сразу несколько птиц, и таким образом за день можно было добыть их очень много⁴⁸.

Разнообразными были и орудия лова рыбы (таймень, сом, чебак, карась, ленок, хариус и др.) — сеть, невод, перемет, удочка, острога и *корчага*. Корчага представляла собой своеобразное сооружение в виде сплетенного из ивовых прутьев сосуда с круглым отверстием, стенки которого углублялись на несколько сантиметров внутрь и с внешней стороны обмазывались тестом. Корчага прикреплялась к длинной палке и при ее помощи укреплялась на дне водоема. Рыба, заплывая внутрь, из-за выступов этого сооружения уже не могла выбраться наружу. Но самым, пожалуй, эффективным способом ловли рыбы был *ез* (заездок), который казаки использовали еще на родине. Этот способ добычи рыбы считается традиционным для забайкальских казаков, однако некоторые исследователи, в частности немецкий ученый-этнолог Г. Хайне, полагают, что казаки его усовершенствовали, а изобрели амурские и забайкальские эвенки⁴⁹.

Как и в Забайкалье, в Трехречье в конце августа, когда рыба начинала спускаться из верховьев к устью реки, ее русло перегораживали изгородью из толстых прутьев. Место для предполагаемого строительства еза тщательно выбирали. Река в этом месте должна быть тихой, небольшой (10—15 м) ширины и глубины (не более 40—50 см), с ровным галечным или песчаным дном. На более крупных реках ез не устанавливали. Расстояние между езами на реке не должно быть менее пяти верст, чтобы рыбы было достаточно для нового еза.

Эту традицию в Трехречье строго соблюдали. Один из берегов выбранного места на реке должен быть безлесный. На нем возводили балаган (шалаш) для проживания, делали предварительную заготовку материала для еза. Здесь начинали сколачивать *кобылины*. Кобылина — это бревно длиной в 2—2,5 м (10—12 см в поперечнике), подпертое с одного конца двумя прочными палками-опорами. Длина опор бралась с таким расчетом, чтобы подпертое бревно находилось под углом в 25—30 градусов. Готовые кобылины расставляли поперек реки, «нога» (опора) к «ноге», строго по одной линии, «в ниточку». Число опор зависело от ширины перегораживаемого участка. Все кобылины в нижней подводной части и поверху (на 50 см ниже верхнего конца бревна) прочно скрепляли длинными тонкими жердями и по глубокому зарубам, прорубленным в бревнах на расстоянии 20—25 см от уровня воды, прокладывали по одной тесаной с обеих сторон жерди или по две тонких нетесаных. Затем все пространство между верхней поперечной жердью и толстой (тесаной) жердью над водой застилали *бердами*. *Берда* — это маты-решетки, плетенные из тальниковых (ивовых) прутьев, высотой 1,2—1,3 м и шириной 1 м. Так получался своеобразный мостик, по которому можно было перейти с одного берега на другой. Назывался такой мостик «скоками», так как рыба, наткнувшись на препятствие, пытаясь его преодолеть, прыгала («скакала») вверх, но, не сумев преодолеть ез, скатывалась на мостик-«скок»⁵⁰.

Перегородив таким образом реку или ее участок, расставляли на построенном сооружении ловушки двух видов — *бердо* и *морда*. Обе они плетутся из ивовых прутьев, но *морда* (их устанавливают на ез четыре штуки) меньше *бердо* (устанавливают две штуки) и несколько отличается по конструкции⁵¹.

Уловы езом нередко были большими, но использовали рыбу преимущественно для своего потребления, так как не хватало соли (особенно во время второй мировой войны) и тары для засолки рыбы.

Повседневная жизнь трехреченцев мало отличалась от жизни в Забайкалье. Поселения строились по такому же принципу, как и на родине. Планировка и внешний облик отдельных поселков практически были одинаковые: широкие прямые улицы, деревянные рубленые избы, крытые преимущественно драньем или берестой, с фасадом, выходящим во двор, и небольшим палисадником. Жилое помещение обычно располагалось в глубине усадьбы, вход в него был со двора и шел через глухие сени; иногда они соединяли избу с амбаром. Жилище разделяли дощатой перегородкой на жилое помещение и кухню. Некоторые большие избы разгораживались перегородками на несколько комнат; в таежных поселках было выстроено немало домов-пятистенок. У тех, кто только появился в Трехречье, первоначально жилыми постройками могли быть мазанки и даже землянки⁵².

Внутреннюю планировку избы во многом определяла большая, так называемая *русская духовая печь*, служившая и для обогрева жилища, и для приготовления пищи, и для лечения, а иногда и мытья. К печи обычно пристраивали плиту с обогревателем. В избах-пятистенках могло быть и две плиты или дополнительно печь-голландка. Полы преимущественно деревянные, окрашенные охрой. Земляной пол был лишь в некоторых зимовьях и избах; для борьбы с блохами такой пол обмазывали коровьим пометом⁵³.

Помимо жилья на усадьбе располагались и сооружения для хозяйственных нужд — зимовье, амбары, *стайки* (загородки для скота), помещения для домашней птицы, баня (обычно по-черному). Здесь же находилось место для хранения транспортных средств — саней, телег, сбруи и т.п. — и непременно для большой поленицы дров. Садоводством в силу специфических природных условий не занимались, но дикие цветущие деревья (черемуха, яблоня) высаживали в палисадниках⁵⁴. Плоды этих деревьев, собранные обычно детьми, суши-

ли в печи и использовали в качестве начинки для пирогов⁵⁵. Еще в большей степени пополняли праздничный и постный стол различные таежные ягоды (земляника, голубика и др.) и грибы. Их так же, как и овощи, употребляли в свежем виде, грибы и капусту засаливали и использовали в качестве начинки для выпечки, а она была разнообразной — большие пироги, маленькие пирожки, шанежки (начинка из капусты, рыбы, грибов), калачи. Мясо и рыбу употребляли в основном в вареном и жареном виде, отчасти солили и вялили на солнце. В будние дни пища была однообразной: блюда из вареной капусты, мяса, картофеля. Зато в праздничные, непостные дни, особенно на большие календарные и церковные праздники, столы ломились от разнообразной пищи⁵⁶. Посты еженедельные и в течение календарного года соблюдали строго.

Таким образом, в жизни трехреченцев сохранялись традиционный уклад и традиционная культура, которые проявлялись не только в повседневной жизни, но и в праздники. В святки по поселкам ходили скоморохи, в рождество — христорошники со звездой. На Пасху пекли куличи, красили яйца, христорошались, играли в лапту, городки и другие игры, качались на качелях. На масленицу «брали» *снежные городки*, катались на лошадях⁵⁷. На казачьи праздники устраивали скачки и джигитовку. В *прощеное воскресенье* просили друг у друга прощение. Накануне родительского дня в сенях насыпали тонкий слой муки и утром проверяли, не приходили ли родители. На Троицу «топили» березку, в Духов день купали и святили лошадей. На храмовые праздники, которые отмечали с размахом, съезжались гости со всего Трехречья.

Молодежь проводила свободные вечера на вечеринках и посиделках, для чего снимали на вечер избу, приглашали гармониста или балалаечника. Чтобы не терять время, девушки брали с собой какое-либо рукоделие. Нередко до утра пели песни и плясали⁵⁸.

Посиделки чаще устраивали замужние казачки. Они тоже пели песни, одновременно рукодельничая (прядание шерсти, изготовление вязаных вещей из нее и др.). Продолжала бытовать и русская традиция устройства «помочей». Зажиточные хозяева приглашали стряпать пельмени (их заготавливали по несколько сотен на зиму, в том числе и в качестве провизии для охотничьего промысла), шинковать капусту, тереть картофель на крахмал, ошипывать забитую домашнюю или таежную птицу и др.⁵⁹

Повседневная шатальная одежда также была традиционной: у мужчин — холщовая рубаша и штаны, у женщин — рубаша и юбка. Обувались летом в *ичиги*, зимой в *унты* и валенки. Праздничная одежда женщин отличалась нарядностью; мужчины надевали форму Забайкальского казачьего войска — гимнастерки и брюки с лампасами, фуражки с околышем и кокардой или папахи с желтым верхом, сапоги. В зимнее время основу верхней одежды как у мужчин, так и женщин составляли нагольные полушубки, шубы и тулупы, нередко перчатки и рукавицы работы эвенкийских мастеров. В охотничьем костюме преобладали черты традиционной культуры эвенков. Особенно популярной у охотников была эвенкийская *дашка* (род просторного двубортного пиджака из замши) и *арамузы* (ноговицы из замши)⁶⁰. Именно в одежде и в использовании орудий рыболовства и охотничьего промысла в большей степени проявилось взаимодействие культур коренного и русского населения. Были некоторые взаимовлияния и в культуре русских и китайцев.

Сохранялось казачье управление и самосознание, в основе которых лежали нормы православной морали. Известно, что казаки сибирского и восточного регионов России не отличались большой религиозностью. Здесь же, в отрыве от родных мест, в условиях Трехречья значение церкви как института, активно влияющего на формирование мировоззрения и сохранение культуры, усилилось. Церковь стала одним из символов сохранения традиционного жиз-

ненного уклада. Из 19 населенных пунктов Трехречья в 10 были приходские храмы и приписные церкви, в том числе в Драгоценке — знаменитый собор Петра и Павла.

Начальное школьное образование получило свое развитие почти во всех поселках; семилетняя школа была в пос. Верх-Кули и восьмилетняя — в Драгоценке. Учителями обычно были просто грамотные люди, большинство из которых не могли найти применения своим знаниям в Харбине или других городах Маньчжурии. В Трехречье они были уважаемыми людьми, имели бесплатное жилище и дрова, неплохой заработок. Хуже обстояло дело с медицинским обслуживанием. Фельдшера были лишь в четырех-пяти поселках. Единственная на весь район больница — в Драгоценке, где женщина-медик выполняла функции и терапевта, и гинеколога, и хирурга. В поселках роды принимали бабки-повитухи. Ограниченность медикаментов сказалась на показателях смертности, особенно детской.

С приходом в Маньчжурию в 1945 г. Красной Армии начались репрессии среди населения Трехречья. Арестован и интернирован был каждый четвертый взрослый казак, а «тридцатников», обвиненных во вредительстве против колхозов, почти всех вывезли в СССР. Оставшиеся вскоре получили советское гражданство, и им предложили выехать в Сибирь и Казахстан (на освоение целинных и залежных земель). Многие не хотели уезжать, некоторые ждали визы для выезда на австралийский и южноамериканский континенты. Массовый отъезд русских в СССР произошел в 1955—1956 гг. Поселки трехреченцев быстро заселяли китайскими переселенцами. К настоящему времени они все изменили свои названия. Однако русскоговорящее население на этой территории осталось. Это потомки от смешанных браков русских с китайцами. По свидетельству современных информантов⁶², они, как и живущие рядом с ними китайцы, отмечают Троицу, Пасху и ряд других праздников; сохранилось фольклорное творчество; придерживаются и других традиций русской культуры. Основная часть поселений Трехречья утратила свой русский облик, но некоторые русские избы используются и сегодня, а в поселках стали строить новые дома по русскому образцу.

Вероятно, есть и другие проявления русской культуры, что требует специального изучения этнографического, фольклорного, диалектологического, в целом культурного наследия. Интерес к этому проявляют современные как российские, так и китайские исследователи. Организация исследовательских экспедиций способствовала бы дальнейшему изучению этнокультурного взаимодействия народов России и Китая.

¹ Анучин В.А. Географический очерк Маньчжурии. М., 1948; Кормазов В.А. Барга: экономический очерк. Харбин, 1928 и др.

² См.: Кайгородов А. Эвенки в Трехречье // Сов. этнография. 1968. № 4; Он же. Свадьба в тайге // Сов. этнография. 1970. № 3; Он же. Дерсу Узала из дебрей Трехречья // Сов. этнография. 1970. № 6; Он же. Маньчжурия: август 1945 // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 4; Он же. Потерянная земля: (Ист.-этногр. очерк). Рукопись. М., 1990—1994.

³ О русском населении Трехречья, подвергнутом репрессиям советским правительством после окончания второй мировой войны, см.: А. Кайгородов. Маньчжурия: август 1945 // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 4. С. 94—103.

⁴ Кайгородов А. Русские заимки в Трехречье (по личным наблюдениям) // Газ. «Советское Приаргунье». 1993. № 56. 20 июля. С. 3.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Кайгородов А. Потерянная земля... С. 4—5.

⁸ Там же. С. 7.

⁹ Кайгородов А.М. Русские в Трехречье (по личным воспоминаниям) // Сов. этнография. 1970. № 2. С. 144—145.

- 10 Кайгородов А. Потерянная земля... С. 8.
 11 Там же.
 12 Там же.
 13 Там же.
 14 Там же. С. 9.
 15 Там же. С. 10.
 16 Там же.
 17 Там же.
 18 Там же. С. 11.
 19 Там же. С. 15.
 20 Там же.
 21 Там же. С. 16.
 22 Там же. С. 17.
 23 Кайгородов А.М. Русские в Трехречье... С. 144.
 24 Кайгородов А. Потерянная земля... С. 17.
 25 Там же. С. 18.
 26 Кайгородов А.М. Русские в Трехречье... С. 144.
 27 Там же; Кайгородов А. Потерянная земля... С. 12.
 28 ГАХК. Ф. 830, оп. 1, д. 75, л. 244.
 29 Там же. Л. 250.
 30 Кайгородов А.М. Русские в Трехречье... С. 141.
 31 Там же; Кайгородов А. Потерянная земля... С. 19.
 32 Кайгородов А.М. Русские в Трехречье... С. 142.
 33 Там же; Кайгородов А. Потерянная земля... С. 20.
 34 Кайгородов А.М. Русские в Трехречье... С. 148.
 35 ГАХК. Ф. 830, оп. 1, д. 75, л. 248. (Процент высчитан авт. — Ю.А.).
 36 Там же. Подсчит. авт. — Ю.А.
 37 ГАХК. Ф. 830, оп. 1, д. 75, л. 250.
 38 Там же. Л. 249.
 39 Кайгородов А.М. Русские в Трехречье... С. 145.
 40 Там же. Л. 241.
 41 Там же. Л. 241 об.
 42 Там же.
 43 Там же. Л. 241 об., 242.
 44 Там же. Л. 242.
 45 Цзинь=0,5 кг.
 46 ГАХК. Ф. 830, оп. 1, д. 75, л. 242. Подсчит. авт. — Ю.А.
 47 Там же.
 48 Там же. Л. 246.
 49 Кайгородов В.М. Русские в Трехречье... С. 146; Он же. Потерянная земля... С. 20.
 50 Кайгородов А. На езу // Сов. Приаргунье. 1993. 17 авг. № 64. С. 4; 1993. 20 авг. № 65. С. 4.
 51 Там же.
 52 Там же.
 53 Кайгородов А.М. Русские в Трехречье... С. 143.
 54 Там же.
 55 Там же.
 56 Кайгородов А. Потерянная земля... С. 22; Он же. Грузди // Сов. Приаргунье. 1993. 12 нояб. № 89. С. 4.
 57 Кайгородов А. Русские заимки в Трехречье // Сов. Приаргунье. 1993. 28, 30 июля. № 59. С. 4.
 58 Кайгородов А. Снежный городок // Сов. Приаргунье. 1993. 21, 24 дек. С. 4.
 59 Он же. Потерянная земля... С. 22.; Он же. Русские в Трехречье... С. 148.
 60 Там же.
 61 Там же.
 62 Полевые материалы автора, 2006 г.: Информация Л.В. Эмирзиади, начальника международного отдела Забайкальского госпедуниверситета, и Цзян Янь Бин, сотрудника туристической компании «Хай Вай» (Маньчжурия).

SUMMARY: “The Russian population in Tryekhrechye” is the title of the article by Doctor of Historical Sciences Yulia Argudyaeva. The author is interested first of all in ethnographic information about this region that was populated in the first half of the 20th c. by different peoples (the Evenks, Chinese, Japanese, Russians), and also in the problem of inter-cultural interaction.